

A $\frac{133}{370}$

ТЕОРІЯ

ВОСТОЧНАГО ПАПІЗМА ВЪ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИ- ТЕРАТУРѢ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

Т. Барсова, экстраординарнаго профессора Спб. Духовной Академіи:
„Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“. Спб. 1878.

Чѣмъ бѣднѣе русская литература каноническаго права, тѣмъ позволительнѣе высказать желаніе, чтобы она не обогащалась продуктами сомнительнаго знанія, разсчитанными на полное невѣдѣніе или крайнею невзыскательность большинства читателей. Пусть сочиненія по каноническому праву появляются у насъ черезъ десятки лѣтъ, только бы каждое изъ нихъ обозначало собою здоровый, хотя и мало замѣтный, ростъ науки. Non multum, sed multum. Всего менѣе желательно въ литературѣ столь молодой науки, какъ наше церковное право, встрѣчаться съ такими явленіями, которыя, имѣя видъ ученыхъ трудовъ, на самомъ дѣлѣ способны только распространять небывалыя заблужденія тамъ, гдѣ было прежде простое незнаніе.

Предъ нами новая книга профессора (если не ошибаемся, каноническаго права) въ Спб. духовной академіи г. Барсова, озаглавленная: „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“. И званіе автора, и самая внѣшность книги, повидимому ручаются за ея солидность. Интересъ къ ней въ высокой степени возбуждается уже первыми строками предисловія-

въ которыхъ заявляется: „Вопросъ о константинопольскомъ патріархѣ и его власти надъ русскою церковію принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ предметовъ науки церковнаго права вообще и русскаго въ особенности. Въ этомъ вопросѣ, съ одной стороны, содержится *сущность* развитія системы церковнаго управленія на востокѣ христіанской церкви, съ другой—заключаются первичныя основанія управленія русской, отечественной церкви. Между тѣмъ этотъ вопросъ остается *незатронутымъ* въ православной литературѣ — греческой и русской; равнымъ образомъ и западная—католическая и протестантская—литература не представляютъ изслѣдованія, посвященнаго специально настоящему предмету. Это обстоятельство освобождаетъ насъ отъ необходимости объяснять: почему мы остановились на этомъ предметѣ и избрали его темою для нашего сочиненія“.

Итакъ намъ предлагается книга, заслуживающая полного вниманія читателей не только по важности своего содержанія, но и по своей оригинальности.

Охотно соглашаемся съ г. Барсовымъ, что избранный имъ предметъ имѣетъ весьма важное значеніе въ наукѣ церковнаго права; но, признаемся, насъ сильно озадачило категорическое заявленіе, будто этотъ вопросъ не только „не затронутъ въ православной канонической литературѣ—греческой и русской“, но не вызвалъ „спеціальныхъ изслѣдованій“ и на Западѣ. Кому изъ канонистовъ и богослововъ неизвѣстны труды Бингама, Томассина, Лекена, Петра де-Марки, Дюпена и новѣйшихъ: Маассена, Гefeле, Пихлера, Гергенрöтера и другихъ, которые, по крайней мѣрѣ, предупредили г. Барсова въ сознаніи важности предмета, „избраннаго имъ темою для своего сочиненія?“ Нельзя сказать, чтобы и въ русской литературѣ „вопросъ о константинопольскомъ патріархѣ и его власти подъ нашею церковію оставался незатронутымъ“. Первая половина этой темы обстоятельно разработана въ трудахъ извѣстнаго нашего канониста—покойнаго преосвящ. Іоанна, ¹⁾ вторая въ „Исторіи Русской Цер-

¹⁾ Разумѣемъ не только его „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“, но и ученыя статьи, помѣщавшіяся въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, преимущественно за 1858 г.

кви „высокопреосвящ. Макарія и, отчасти, въ „Исторіи Россіи“ Соловьева. Но.... обратимся къ самой книгѣ г. Барсова; можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ такова, что заставитъ насъ забыть всю предыдущую литературу предмета—и русскую и западную.

Трудъ г. Барсова дѣйствительно оригиналенъ, но не въ смыслѣ самостоятельности изслѣдованія, которую трудно было проявить надъ столь избитою темою, а по той новой канонической теоріи, которая въ немъ проводится и на которую намекаютъ уже слова предисловія: „въ вопросѣ о константинопольскомъ патріархѣ содержится *сущность* развитія системы церковнаго управленія на востокъ“ ¹⁾. Мы не находимъ другаго, болѣе подходящаго названія для этой теоріи, какъ *теорія восточнаго папизма*. Ея развитію и обоснованію посвящена собственно первая, по преимуществу каноническая, часть сочиненія, содержаніе которой, говоря словами автора, составляютъ: „постепенное возникновеніе патріаршей власти въ христіанской церкви и, въ частности, основанія учрежденія константинопольскаго патріаршества, также другіе, частнѣйшіе предметы, непосредственно входящіе въ составъ общаго вопроса и объясняющіе различныя стороны разсматриваемаго учрежденія, какъ-то: постепенное расширеніе преимуществъ константинопольскаго патріарха и крайнее возвеличеніе его каѳедры, особыя отличія этого іерарха въ ряду другихъ патріарховъ и преимущества его каѳедры, положеніе того же іерарха и его каѳедры на востокѣ христіанской церкви, составъ управленія константинопольскаго патріарха“ (предисл., стр. X). Главными предметами изслѣдованій автора являются здѣсь факты каноническаго законодательства, въ которыхъ выразилось постепенное развитіе власти патріарховъ

¹⁾ Считаемо нужнымъ оговориться, что мы признаемъ теорію г. Барсова новымъ явленіемъ только въ русской канонической литературѣ; а въ западной литературѣ она высказывалась и развивалась уже въ XVII в. Мы встрѣчаемъ ее, напримѣръ, въ сочиненіяхъ ученаго архіепископа Петра Де-Марки, вліяніе котораго вообще довольно сильно сказалось на книгѣ г. Барсова, (См. De concordia sacerdotii et imperii lib I, cap. IV sq. и спеціальный трактатъ: De constant. pstriarchatus institutione.—Op. ed. Neapoli. 1771 m. V. p. 163—215).

вообще и константинопольскаго въ частности. На этихъ кардинальныхъ пунктахъ въ первой части сочиненія г. Барсова мы преимущественно и остановимъ свое вниманіе. Равнымъ образомъ и по отношенію ко второй части, въ которой раскрывается „власть константинопольскаго патріарха надъ русскою церковію“, мы ограничимся только вопросами, представляющими спеціальнѣйшій интересъ для канониста, хотя, къ сожалѣнію, авторъ почему-то предпочелъ здѣсь работать почти исключительно въ пользу церковной исторіи, и лишь въ весьма незначительной мѣрѣ—для науки каноническаго права.

I.

Древнѣйшее каноническое основаніе власти патріарховъ обыкновенно находятъ въ 6-мъ правилѣ Никейскаго, перваго вселенскаго собора. „Да хранятся, говорить соборъ, древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всеми ними, понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антиохіи и въ другихъ областяхъ (καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις) да сохраняются преимущества церквей“. Это правило, какъ справедливо замѣчаетъ Циглеръ²⁾, давно уже сдѣлалось предметомъ столь разнообразныхъ толкованій, что объ немъ, равно какъ и о литературѣ вопроса, можно было бы написать особую книгу. Но для г. Барсова „подлинный смыслъ правила настолько ясенъ“, что онъ не находитъ нужнымъ „разбирать“ вызванныя имъ толкованія, а прямо примыкаетъ ко мнѣнію, которое признаетъ „господствующимъ въ настоящее время въ наукѣ“. Мнѣніе это, по изложенію г. Барсова, состоитъ въ томъ, что „Никейскій соборъ имѣлъ въ виду не обыкновенныхъ митрополитовъ, которыми (sic) назывались іерархи главныхъ городовъ области, или провинціи, и не дѣйствительныхъ патріарховъ, которыми были іерархи главныхъ городовъ цѣлыхъ округовъ или діоцезовъ (такъ вездѣ у Барсова), обнимавшихъ собою нѣсколько митрополѣйскихъ областей, или граждан-

²⁾ Versuch einer pragmat. Geschichte der kirchl. Verfassungsformen, s. 167—168.